

Алексей Миллер

ЮБИЛЕЙ 1812 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В феврале 2013 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге состоялась конференция, посвященная анализу коммеморативных практик, связанных с 200-летним юбилеем войны 1812 г. Статьи ее участников легли в основу этой книги. Их можно разделить на три группы. Открывают книгу две статьи, которые встраивают недавний юбилей в длительную историческую перспективу. В.В. Лапин подробно анализирует празднование столетнего юбилея войны 1812 г., ставшее одним из ключевых элементов политики памяти поздней империи Романовых, уже готовившейся отмечать 300-летие династии. Т.А. Сабурова и Н.Н. Родигина рассказывают в своей статье о 150-летнем юбилее, который праздновался уже советской властью в 1962 г. Значительная часть работ рассматривает различные аспекты российских практик коммеморации в ходе недавнего юбилея: речь в них идет о войне 1812 г. в учебниках истории, о новом музее войны 1812 г. в Москве, о 1812 г. в детской литературе, о теме 1812 г. в блогосфере, о некоторых локальных практиках коммеморации на примере Пскова. Третья группа статей — об отношении к 200-летию юбилею в других странах — Франции, Польше, Украине, Белоруссии.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ XXI ВЕКА

Попробуем взглянуть на сам юбилей и на прошедшую конференцию в более широком контексте изучения политики памяти. Юбилей 1812 г. был объявлен российскими властями одним из четырех главных событий «года истории», наряду с юбилеем изгнания поляков из Москвы в 1612 г., полуторавековым юбилеем П.А. Столыпина и вполне условной датой 1150-летия основания русской государственности. Сейчас, в конце 2013 г.,

уже ясно, что для политики памяти в России 2012 г. был в определенном смысле переходным.

После перестроечных лет, когда общество захлестнула волна ажиотажного интереса к истории, когда даже ключевые политические идиомы заимствовались у историков,¹ во второй половине 1990-х власти не уделяли политике памяти большого внимания. Ситуация меняется с приходом к власти В.В. Путина. В самом начале своего первого президентского срока Путин обратился к важному в сфере политики памяти вопросу, который оставался нерешенным в 1990-е, а именно к законодательному оформлению государственных символов. При утверждении триколора в 2000 г. он вступил в ситуативную коалицию с либерально-демократическими силами и игнорировал протесты коммунистов, а в 2001 г. при утверждении слегка перелицованного советского гимна в качестве гимна новой России, наоборот, блокировался с коммунистами, оставив без внимания протесты либерально-демократических кругов. В 2003 г. президент встретился с историками в Румянцевской библиотеке, где говорил о том, что «сосредоточенность на негативе», которая была оправдана при ломке прежней системы, следует заменить созидательным пафосом и воспитанием гордости за свою историю, что «необходимо снять всю шелуху и пену, которые за эти годы наслонились». Продолжением этой линии стало введение в 2005 г. нового праздника — Дня национального единства, официально привязанного к дате изгнания из Москвы польских войск в 1612 г. Одним из главных мотивов учреждения нового праздника именно в начале ноября была необходимость «замещения» вытесненного из официального календаря коммемораций 7 ноября как годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Общий смысл этих шагов заключался в «восстановлении преемственности», однако результатом стала скорее эклектичность и бессодержательность. Символ неудачи — превращение одиозного «русского марша» в главное событие праздника национального единства 4 ноября.

Произошедшая в начале XXI в. в странах Восточной Европы активизация исторической политики, главной мишенью ко-

---

¹ См.: *Atnashev T. Transformation of the Political Speech under Perestroika. Free Agency, Responsibility and Historical Necessity in the Emerging Intellectual Debates (1985–1991). PhD Dissertation. Florence: EUI, 2010.*

торой на международной арене была Россия, вызвала растущую обеспокоенность в Москве. В исторической политике соседей Россия предстала как сугубо хищническая империя, будь то в царском или советском воплощении. Основное внимание уделялось 1939–1949 гг., и в этом периоде акцентировались «неудобные» для Москвы события — советско-германский пакт 1939 г., Катынь, оккупация прибалтийских республик и части Польши, массовые депортации населения в 1940 г. и сразу после войны, жестокости НКВД во время и после войны, в том числе в ходе борьбы с антисоветским подпольем, и так далее. СССР в этой версии истории предстал не как главный победитель нацизма и освободитель Европы, но как соучастник Гитлера в 1939–1941 гг. и как поработитель Восточной и Центральной Европы после войны. Удар, таким образом, наносился по нарративу Великой Отечественной войны, который стал практически единственной опорой коллективной памяти после отказа от мифа Октябрьской революции. Бойкот рядом высших должностных лиц соседних государств празднования юбилея Победы в 2005 г. был воспринят в Москве крайне болезненно.²

В период 2006–2009 гг. власти начинают еще более интенсивно действовать в сфере политики памяти. Их линия в этот период вполне соответствует понятию «историческая политика», будучи партийной и конфронтационной как во внешнеполитическом, так и во внутривнутриполитическом направлении. В 2006 г. была создана группа под руководством Александра Филиппова и Александра Данилова, которой было поручено написание нового учебника истории России XX в. Планировалось, что он должен был стать если не единственным, то доминирующим учебником в школе.³ Многие тезисы учебника (по 1939 г., Катыни, голоду 1932–1933 гг.) оказались прямо связанными с исторической политикой соседних стран и были сформулированы в агрессивно-пропагандистском духе, характерном для этой раз-

---

² Показательно, что в 2010 г. было решено никому из зарубежных политиков не высылать официальных приглашений. Было заявлено, что Россия будет рада принять всех, кто считает нужным приехать.

³ *Филиппов А.В.* Новейшая история России: 1945–2006 гг.: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2007. *История России. 1945–2007: Учебник для 11 класса / под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова.* М.: Просвещение, 2007. Второе издание: *История России. 1945–2008.* М.: Просвещение, 2008; *Данилов А.А.* История России. 1900–1945. Методическое пособие. 11 класс. М.: Просвещение, 2008.

новидности политики памяти. Однако учебник решал и внутриполитические задачи. Методологической основой своего подхода авторы провозглашали отказ от концепции тоталитаризма как ненаучного инструмента холодной войны и анализ советского периода с точки зрения теории модернизации. В реальности ключевыми задачами были реабилитация сталинизма как особой модели ускоренной модернизации в условиях «осажденной крепости» и обоснование ведущей роли современного авторитарного лидера для решения сходных задач на современном этапе.⁴ Учебник открыто пропагандировал концепцию «суверенной демократии», которая в то время была частью программы «Единой России».⁵ В это же время появился целый ряд телепрограмм, делавших акцент на идее неизменной цивилизационной угрозы для России со стороны Запада. Наибольшую известность получил фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Византийский урок», премьера которого состоялась на канале «Россия» в 2008 г.

В продолжение этой линии в мае 2009 г. президент Дмитрий Медведев издал указ о создании при Президенте Российской Федерации Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.⁶ Сегодня уже очевидно, что создание комиссии было крайним выражением той версии исторической политики, которая набирала силу в России с 2003 г. Причем внутренний фронт «борьбы с фальсификациями» был не менее важен, чем внешний. Институты РАН даже стали получать поручения составить соответствующие списки «фальсификаторов».⁷

---

⁴ Подробнее см. Миллер А. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке. Сборник статей / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 328–367.

⁵ Концепция «суверенной демократии» сводилась к тому, что существующий режим вполне отвечает критериям демократии, но с учетом российской специфики, и что разговоры о каком-либо дефиците демократии в России неуместны.

⁶ Указ Президента РФ от 15.05.2009 № 549 «О комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» (<http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1013526>; дата обращения: 21.11.2013).

⁷ Об ажиотаже вокруг письма Отделения историко-филологических наук РАН «О фальсификациях истории». Письмо заместителя академика-секретаря ОИФН РАН по научно-организационным вопросам А.Е. Пет-

Такая историческая политика вызвала протесты в обществе и подверглась резкой критике даже со стороны некоторых фигур в самих властных структурах. Так, например, ректор МГИМО А.В. Торкунов написал о периоде перестройки как о том времени, когда о «преступлениях режима» говорились верные вещи, и заявил: «В нашей дискуссии с переписывателями истории и перестановщиками памятников мы зачастую используем излишне спрямленные, примитивные аргументы, которые внутри страны воспринимаются массовым сознанием в качестве ложных идейных ориентиров. Это не тот случай, когда врага нужно бить его оружием! Ответ должен быть асимметричным, как банально это ни прозвучит. Именно поэтому стремление к абсолютному, не допускающему интерпретаций собственной истории единомыслию может стать камешком в фундамент новой тоталитарной идеологии. Даже если это единомыслие и его намеренную прямолинейность мы будем создавать из благих побуждений — “дать отпор клеветникам и очернителям”».⁸

В целом к концу 2009 г. инициативы властей в области политики памяти (учебник и комиссия по борьбе с фальсификациями) оказались полностью дискредитированы. Можно сказать, что 2010–2012 гг. представляют собой особый переходный период в российской политике памяти. Во-первых, начиная с 2010 г. становится вполне очевидным спад активности на фронтах тех «войн о прошлом», которые Россия вела с Польшей, Украиной, Молдовой и прибалтийскими республиками в 2004–2009 гг. На первый план в политике памяти вышла внутрirosсийская проблематика. Во-вторых, в 2010–2012 гг. мы могли наблюдать некоторую неопределенность в ключевых политических вопросах. В 2010–2011 гг. было не вполне ясно, кто будет представлять власть на президентских выборах 2012 г. Тогдашний президент Д. Медведев искал способы «набрать очки», в том числе и в политике памяти, заняв четкую позицию против

рова (<http://www.polit.ru/dossie/2009/07/03/petrov>; дата обращения: 21.11.2013). Что, впрочем, вовсе не означает отказа от этого метода работы: очередной циркуляр о «профилактике возникновения очагов межнациональной розни, формирования идей сепаратизма и национализма на основе процессов фальсификации отечественной истории» был разослан 12 марта 2011 г.

⁸ Торкунов А.В. О парадоксах и опасностях “исторической политики” // Независимая газета. 2008. 18 июля (http://www.ng.ru/ideas/2008-07-18/7_istpolitika; дата обращения: 21.11.2013).